

И. Б. Губанов

СКАНДИНАВСКАЯ БРОНЗА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СКАНДИНАВСКОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Коллекция датских древностей бронзового века № 1571 Кунсткамеры (МАЭ РАН) содержит вещи, типичные для бронзового века Европейского Севера.

В бронзовом веке произошел резкий скачок в технологическом развитии человечества. Особенно показательны в этой связи именно скандинавские бронзовые артефакты, так как их качество не имеет аналогов в Европе, а вооружение значительно превосходит даже крито-микенские образцы. Еще в середине XIX столетия профессор Копенгагенского университета Йенс Якоб Асмуссен Ворсо в книге «Северные древности королевского музея в Копенгагене» (1859 г., издана на русском языке в 1861 г.) отметил высочайшее качество изделий скандинавского бронзового века: «Древности, относящиеся к бронзовому веку, найденные в Дании, кроме того, отличаются не только своими формами, орнаментикою, но частью даже самым составом от древностей бронзового же века в западной и южной Европе; они обыкновенно уступают соответственным древностям датским как в совершенстве отделки, так и в изящности форм и орнаментами» [Ворсо 1861: 9].

О деятельности Л. Ф. Радлова в Дании рассказано в предисловии к книге профессора Ворсо, подготовленном российскими академиками К. М. Бэрром и А. А. Шифнером: «Академия сделала еще более. Она отправила в прошедшем году (то есть в 1860-м. — *И. Г.*) в Швецию и Данию хранителя своего Этнографического музея Л. Ф. Радлова, который усердно следит за этим предметом. Там он при помощи г. Томсена и Ворсо изучил северные древности, прилежно также занялся северными языками, в особенности датским, для того чтобы иметь возможность ознакомиться с многочисленными специальными трудами, появившимися в этих странах в разных видах и в разное время. Можно надеяться, что со временем он сделает доступными русской публике главнейшие из этих трудов в виде общих обзоров» [Ворсо 1861: X].

Результаты экспедиции Л. Ф. Радлова были зафиксированы в рукописном «Отчете о новых поступлениях в Кунсткамеру» академика Шредера и консерватора Л. Радлова за 1862 г.: «4. В обмен за отправленные, согласно развитию кооперации, в Копенгаген 28 номеров из числа дублетов Этнографического музея И. А. Н. присланы Королевским этнографическим музеем Копенгагенским: ...д) 39 т. наз. бронзового века...» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). 23 ед. хр.].

Согласно периодизации Оскара Монтелиуса (1885), которой с незначительными поправками в настоящее время следует большинство специалистов, бронзовый век Северной Европы разделяется на 6 периодов. Три первых традиционно охватывают ранний бронзовый век, а четвертый, пятый и шестой — поздний бронзовый век. Ранний бронзовый век характеризуется ингумациями и господством орнамента бегущей спирали, поздний — кремациями и преобладанием различных геометрических орнаментальных мотивов. В колл. № 1571 МАЭ РАН представлены основные типы оружия и украшений всех шести периодов. Преимущественно это стандартные вещи, среди них мало шедевров, столь многочисленных в экспозиции Королевского исторического музея Копенгагена.

К I периоду (1700 г. до н.э. — около 1500 г. до н.э.) относится пальштаб секирообразной формы (колл. № 1571-1; рис. 1), имеющий аналоги в центральноевропейской унетичской культуре [Broholm 1952: 44, № 10, 11].

Следует подчеркнуть, что форма и особенно орнаментация оружия I периода демонстрируют сильное влияние унетичской культуры. Восточносредиземноморский по происхождению орнамент бегущей спирали, правда, уже появляется на некоторых вещах (например, на копье № 28 и пальштабе № 32, по Брохольму) [Broholm 1952: 46]. К началу бронзового века в Дании относит-

Рис. 1. Пальштаб. Бронза. Дания. 1700–1500 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-1

ся и меч из Рёрбю, на котором, возможно, выгравировано изображение корабля с тараном средиземноморского типа (возможно, XVII в. до н.э.). Сам кривой меч из Рёрбю демонстрирует сходство с кривыми мечами Восточного Средиземноморья, основным оружием семитов бронзового века. Таким образом, вполне возможно, что уже в эту раннюю эпоху имели место контакты с микенскими и пилосскими царскими домами, в погребениях которых найдены украшения из балтийского янтаря (микенские могильные круги А и В, пилосские толосы и могильный круг) [Веск 1965: 96–106], но в I период превалировало более мощное центральноевропейское влияние унетичской культуры.

II период (1500 г. до н.э. — 1200–1100 г. до н.э.). Хронологически этот период почти совпадает с позднеэлладским (ПЭ) периодом в Греции, то есть со временем расцвета микенской цивилизации. Поэтому совершенно неудивительно, что вследствие интенсивных контактов с Восточным Средиземноморьем преобладающим на скандинавских вещах становится орнамент бегущей спирали (к сожалению, в известной монографии Элизабет Хернер скрупулезно рассмотрено региональное варьирование мотивов этого орнамента, но ничего не говорится о связях Скандинавии и Микен) [Herner 1989].

В колл. МАЭ № 1571 орнамент бегущей спирали представлен на оконечностях двух ребристых «воротников» — № 1571-18 и 1571-19.

II периодом можно датировать пальштаб с Y- или U-образной выемкой на боковинах (колл. № 1571-2; рис. 2, 3) [Broholm 1952: 50, № 100, 101] и пальштаб

Рис. 2. Пальштаб. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-2. Вид сбоку

Рис. 3. Пальштаб. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-2. Вид сверху

Рис. 4. Пальштаб. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-3. Вид сбоку

Рис. 5. Пальштаб. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-3. Вид сверху

редкого для Дании типа, по Брохольму, британского происхождения (колл. № 1571-3; рис. 4, 5) [Broholm 1952: 50].

Также ко II периоду следует отнести граненую рукоять клинкового оружия (колл. № 1571-4; рис. 6, 7, 8) [Broholm 1952: 49], представляющую собой замечательный образец искусства древних бронзолитейщиков. Рукоять интересна прежде всего своей орнаментацией. На ней прослеживаются орнаменты двух типов: пуансонный, основной элемент которого — точка, окруженная тремя концентрическими кружками (Элизабет Хернер в своей классификации обозначила этот элемент как группу А I : 3 b) [Herger 1989: 25], и орнамент двойной спирали, когда между двух спиралей выгравирована петля.

Первый тип орнамента представлен на одной стороне рукояти и овальной гарде рукояти. На восьмигранной рукояти ряды кружков разделены орнаментальными поясами с геометрическим орнаментом из четырех параллельных линий. Также десятью подобными элементами украшена гарда по своей нижней стороне. Многолучевая звезда (солярный символ?) выгравирована на гарде, в центре ее — язык для насаживания клинка. Внутри звезды выгравирован все тот же орнамент из концентрических кружков с точкой в центре, причем каждой вогнутой стороне, образуемой лучами звезды, соответствует один пуансонный элемент. Концы лучей звезды на гарде окаймляет орнаментирован-

Рис. 6. Рукоять меча. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-4

Рис. 7. Рукоять меча. Фрагмент рукояти и перекрестья. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-4

Рис. 8. Рукоять меча. Навершие. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-4

ная полоса, образующая как бы бордюр по краю овальной гарды. По внешнему ободу этой полосы выбиты точки, а по внутреннему проходит одиночная борозда. К сожалению, утрачено навершие уплощенной рукояти этого древнего клинкового оружия.

Очень интересен орнамент двойной спирали на рукояти оружия. Здесь мы видим две спирали, имеющие по четыре витка и расположенные симметрично. Характерный аппендикс в виде петли соединяет спирали. Такой орнамент легко узнаваем на артефактах эпохи бронзы. Его называют *орнаментом двойной спирали*. Его генезис и семантика совершенно отличны от других типов спирального орнамента, в частности от *орнамента бегущей спирали*, который также встречается на скандинавских артефактах бронзового века. М. Гимбутас полагала, что орнамент двойной спирали — это солярный символ, характерный для индоевропейцев так называемой «второй волны» миграции из восточноевропейских степей в Центральную и Западную Европу. На североитальянской стеле из Кавена Тельо в долине Вальтеллина (ок. 3000 г. до н.э.) [Gimbutas 1997: 294; Гимбутас 2006: 442] изображена двойная спираль, в ней петля между спиралями идет вверх, а рядом с двойной спиралью прорисована антропоморфная фигура, вероятно божество, так как вместо головы у нее солярный диск. Следует отметить, что североитальянский артефакт более чем на полтора тысячелетия древнее датской рукояти. Вполне возможно, что появление столь характерных идентичных символов в разных регионах в разное время неслучайно. В таком случае не исключено, что двойная спираль маркирует распространение древних индоевропейских народов в бронзовом веке. Наличие орнамента двойной спирали на рукояти клинкового оружия № 1571-4 — аргумент в пользу индоевропейского происхождения носителей археологической культуры раннего бронзового века Скандинавии.

Также к блестящему II периоду скандинавского бронзового века следует отнести изысканный 20-сантиметровый кинжал с симметричным линейным орнаментом на лезвии, подчеркивающим его форму (колл. № 1571-5а; рис. 9), и крупный меч (длина 76 см, ширина около 3 см), соответствующий средневропейским аналогам (колл. № 1571-10; рис. 10).

Рис. 9. Кинжал. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-5а

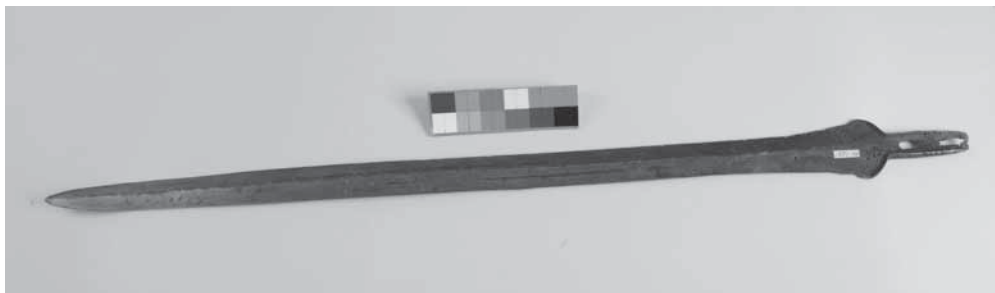

Рис. 10. Меч. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-10

Рис. 11. Серп. Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-12

II периодом следует датировать обломок зубчатого бронзового серпа (колл. № 1571-12; рис. 11) — довольно характерное орудие труда скандинавских земледельцев бронзового века, для прочности имеющее ребро жесткости по центру. Подобных серпов на датских островах и в Восточной Ютландии найдено 68 штук, причем часто они попадали в клады — в 7 кладах обнаружено 27 таких серпов, что говорит о сакральной ценности этих сельскохозяйственных орудий. В Западной Ютландии нет подобных находок.

Ко II периоду скандинавского бронзового века относятся бронзовые ребристые шейные гривны № 1571-18 a, b, c, d, e, f и № 1571-19 a, b из колл. МАЭ — так называемые «воротники» из тонких бронзовых пластин (рис. 12, 13, 14, 15). Особый интерес представляет выгравированный на них орнамент бегущей спирали типа А III : I I, по классификации Элизабет Хернер [Hermer 1989: 27].

На концевой части воротника № 1571-18 композиция из четырех соединенных одинарными линиями спиралей, расположенных симметрично, словно в углах квадрата, сохранилась очень хорошо. Подобные композиции из бегущих спиралей мы встречаем на датских пальштабах соответствующего периода, на накладке на меч из богатого шахтного погребения царского круга А греческих Микен.

Прежде чем говорить об аналогиях в орнаментации скандинавских и микенских древностей бронзового века, следует сказать несколько слов о генезисе орнаментального мотива двойной спирали. Впервые в конце VI тыс. до н.э.

Рис. 12. «Воротник». Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-18а, b, c, d, e, f

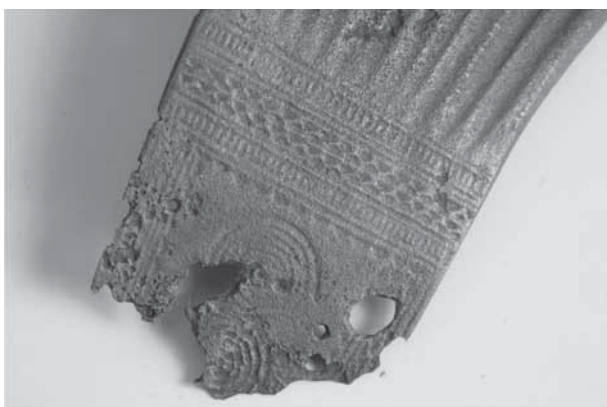

Рис. 13. «Воротник». Фрагмент. Бронза.
Дания. 1500–1200 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-18

Рис. 14. «Воротник». Фрагменты с орнаментом бегущей спирали. Бронза.
Дания. 1500–1200 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-18

Рис. 15. «Воротник». Бронза. Дания. 1500–1200 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-19а, b

в Европе он появляется на керамике двух культур балканского неолита — Бутмир в Сараево и Данило-Хвар в Далмации [Гимбутас 2006: 64–73; Палагута 2010: 30; 2012: 186–187]. Мегалитические храмы Гжантйи и Тарксиенны культуры мальтийского архипелага, где также широко представлен орнамент бегущей спирали, датируют IV–III тыс. до н.э. В середине III тыс. до н.э. мотив бегущей спирали появляется на так называемых «сковородках» Кикладских островов (на кикладских вещах представлены, возможно, также первые изображения кораблей с таранами средиземноморского типа). Примерно в то же время орнамент бегущей спирали проникает на о. Крит и получает широкое распространение в древнем критском искусстве.

Бытование орнаментального мотива бегущей спирали — основного орнаментального мотива на различных типах изысканных вещей скандинавского раннего бронзового века — совпадает по хронологии с ПЭ в Греции, временем существования микенской цивилизации. Находки балтийского (по результатам спектрального анализа) или западноюландского янтаря первоначально в царских погребениях Микен подтверждают гипотезу о непрерывных контактах Эллады и Скандинавии в ту эпоху.

Типологически сходен с предыдущей вещью ребристый «воротник» диаметром около 140 мм по верхнему краю и 150 мм по нижнему, у которого уплощенный конец украшен орнаментом бегущей спирали из пяти витков, обрамленным геометрическим орнаментом (колл. № 1571-19а, b) (рис. 13, 15).

III период (1200–1100 гг. до н.э. — около 950 г. до н.э.), завершающий ранний скандинавский бронзовый век, представлен в коллекции Кунсткамеры преимущественно оружием, а также бронзовым спиральным браслетом.

Особенно интересно ромбическое навершие клинкового оружия (МАЭ. Колл. № 1571-5b; рис. 16, 17). Навершие гравировано геометрическим орнаментом, представляющим собой преимущественно орнаментальные пояса из насечек. Два нижних орнаментальных пояса образуют вертикальные насечки, создающие у наблюдателя иллюзию письменных символов. Нижние орнаментальные пояса отделяет от верхних орнамент из двух рядов точек. Верхние орнаментальные пояса расположены непосредственно под ромбом навершия, здесь орнамент из косых насечек выгравирован на выпуклых окантовках навершия. На нижней окантовке — насечки с уклоном слева направо, на средней — с уклоном справа налево, по верхней окантовке снова идут насечки с уклоном слева направо. Само ромбовидное навершие украшено полосами с линейной орнаментацией, луковичеобразный выступ в центре окаймлен семью отверстиями, служившими для крепления к основе рукояти из органического материала.

Рис. 16. Навершие меча. Бронза. Дания. 1200–950 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-5b. Вид сверху

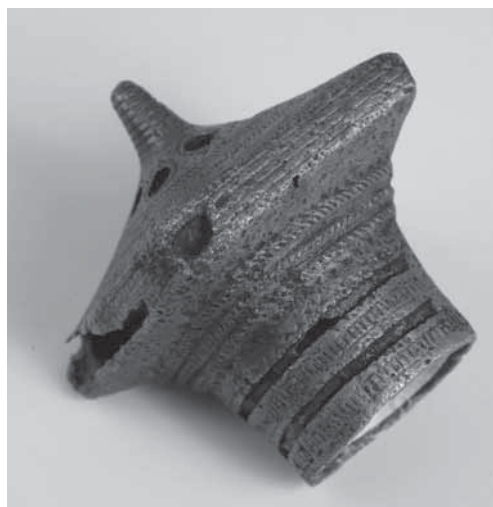

Рис. 17. Навершие меча. Бронза. Дания. 1200–950 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-5b. Вид сбоку

Также III периодом скандинавского бронзового века датируются фрагмент оконечности клинка с линейным орнаментом, который хорошо просматривается, так как центр клинка зачищен до блеска (колл. № 1571-7; рис. 18), и бронзовая основа рукояти меча с обломком верхней части клинка, к которой крепились пластины рукояти из органического материала (для этого в ней были сделаны восемь сквозных отверстий диаметром 5 мм и закраины шириной 7 мм, в которые вставляли края органических пластин) (колл. № 1571-8; рис. 19).

Также III периодом скандинавского бронзового века следует датировать однолезвийный изогнутый нож (колл. № 1571-11; рис. 20) и пружинный, кли-

Рис. 18. Фрагмент клинка меча. Бронза. Дания. 1200–950 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-7

Рис. 19. Рукоять меча с фрагментом клинка. Бронза. Дания. 1200–950 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-8

Рис. 20. Нож. Бронза. Дания. 1200–950 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-11

Рис. 21. Браслет спиральный. Бронза. Дания. 1200–950 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-26

Рис. 22. Бритва. Бронза. Дания. 950–800 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-14

новидный в сечении проволоки браслет, типичные уплощенные концы которого отсутствуют и который, как и соответствующие скандинавские аналоги, имеет центральноевропейские подобию (колл. № 1571-26; рис. 21) [Broholm 1952: 61].

IV (около 950–800 гг. до н.э.) и V (около 800–700 гг. до н.э.) периоды скандинавского бронзового века представлены в коллекции МАЭ РАН главным образом различными типами бритв.

К IV периоду относятся: подтреугольная бритва североютландского типа [Broholm 1953: 65] с линейно-геометрическим орнаментом по верхнему краю и рукоятью со стилизованной птичьей головкой (колл. № 1571-14; рис. 22), миниатюрная бритва длиной чуть более 50 мм с ручкой в виде изогнутой шеи птицы, заканчивающейся схематичным крючковидным клювом (колл. № 1571-16; рис. 23).

IV периодом следует датировать небольшой нож длиной 122 мм (колл. № 1571-22; рис. 25) и так называемые «пуговицы» — миниатюрные изделия,

Рис. 23. Бритва. Бронза. Дания. 950–800 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-16

Рис. 24. Очковая фибула. Бронза. Дания. 950–800 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-17

состоящие из штырей с дисками на концах (колл. № 1571-27; рис. 26; колл. № 1571-29; рис. 27) [Broholm 1953: 65].

Также множество аналогов в самой Скандинавии имеет достаточно скромная по декору очковая фибула IV периода (колл. № 1571-17; рис. 24). Фибулы этого типа описаны Хансом Брохольмом [Broholm 1953: 65].

Коллекции МАЭ РАН принадлежит крупная подтреугольная бритва V периода длиной 105 мм со спиральной рукоятью (колл. № 1571-13; рис. 28), типа № 149 по Брохольму [Broholm 1953: 74]. Хотя бритва из коллекции Кунсткамеры не покрыта орнаментом, на многих ее аналогах из Королевского исторического музея Копенгагена можно видеть великолепные стилизованные изображения кораблей с выступающей вперед нижней оконечностью. Эту оконечность можно трактовать двояко: либо как наследие северного судостроения эпохи мезолита — двойные штевни (сродни конструкции байдарок алеутов), либо как средиземноморское заимствование эпохи бронзового века — корабли с та-

Рис. 25. Нож. Бронза. Дания. 950–800 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-22

Рис. 26. «Пуговица». Бронза. Дания. 950–800 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-27

Рис. 27. «Пуговица». Бронза. Дания. 950–800 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-29

Рис. 28. Бритва. Бронза. Дания. 950–800 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-13

ранами. Бритва № 151 в сводке Ханса Брохольма — шедевр такого рода изысканной стилистики. На ней мы видим корабль с тараном (?), плывущий под грибовидным парусом, а над ним — птицу и двойное солнце [Broholm 1953: 74]. Облик корабля, возможно, свидетельствует о синтезе скандинавской и средиземноморской традиций.

Наиболее эффектные вещи **VI периода (около 700–500 гг. до н.э.)** — две крупные шейные гривны (диаметр обруча — около 200 мм) желтого цвета из перевитой проволоки (максимальное сечение проволоки — 10 мм) с замками для крепления (колл. № 1571-23; рис. 30, 31, 32; колл. № 1571-24). На замках выгравирован орнамент из кружков и поперечных линий-насечек. Для данного периода с его тенденцией к увеличению украшений такие вещи показательны [Broholm 1953: 83]. Также центральноевропейское влияние демонстрирует обвитая бороздчатым орнаментом гривна с концами-«ушками» (колл. № 1571-21; рис. 29). В сводке Ханса Брохольма имеется ее типологический аналог из золота [Broholm 1953: 83, № 279].

Осознав место коллекции скандинавских бронзовых артефактов Кунсткамеры в культурном наследии человечества, можно понять, в чем заключается

Рис. 29. Бронзовая шейная гривна. Дания. 700–500 гг. до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-21

Рис. 30. Бронзовая шейная гривна. Дания. 700–500 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-23

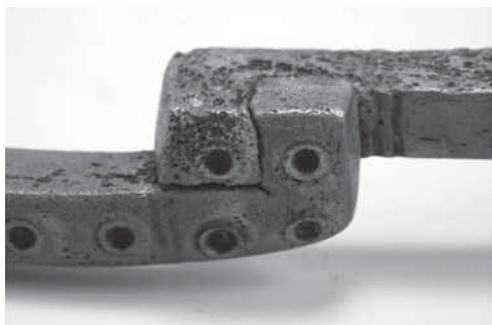

Рис. 31. Бронзовая шейная гривна.
Замок гривны. Дания. 700–500 гг.
до н.э. МАЭ. Колл. № 1571-23

Рис. 32. Бронзовая шейная гривна.
Дания. 700–500 гг. до н.э.
МАЭ. Колл. № 1571-23

историческое значение скандинавского бронзового века и каково его место в истории человеческой цивилизации.

В этой связи необходимо ответить на следующие вопросы.

1) Какова этническая принадлежность носителей культуры бронзового века в Скандинавии?

2) Каковы истоки культуры Северной Европы бронзового века, ее развитие и связи с другими регионами древней Европы?

Для ответа на первый вопрос надо обратиться к более раннему времени, эпохе энеолита.

Две гипотезы относительно индоевропейской прародины представляются мне наиболее вероятными. Согласно первой, отчетливо заявленной в трудах археолога Марии Гимбутас, прародину индоевропейских народов следует искать

в южнорусских степях, возможно в Поволжье. Согласно второй, к которой я более склоняюсь в последнее время, следует отождествлять праиндоевропейский народ с носителями неолитических культур севера Центральной Европы, то есть Германии и Польши, — с ранней культурой воронковидных кубков.

Сторонники первой точки зрения полагают, что на степной характер генезиса культуры боевых топоров, якобы пришедшей в Скандинавию с Юго-Востока, указывает прежде всего ее скотоводческий образ жизни и патриархальный уклад. Совместное проживание в течение некоторого времени на смежных территориях с носителями более ранней культуры воронковидных кубков (TRB) и резко отличный от нее характер культуры боевых топоров, согласно утверждениям этих ученых, демонстрируют, что носители культуры боевых топоров мигрировали на территорию современной Дании. Никакими данными о последующих крупных миграциях на данную территорию в позднем неолите, бронзовом и железном веке археология не располагает. Следовательно, как думают сторонники концепции М. Гимбутас, мы вправе видеть в носителях культуры боевых топоров предков древних германцев.

Сторонники степной прародины индоевропейцев считают, что следует исходить из следующих фактов.

1. Карта распространения гаплогруппы R1a (специфической нейтральной мутации в Y-хромосоме, характерной, вероятно, для индоевропейцев восточной группы), по результатам новейших исследований в рамках международного проекта «Генография», указывает на концентрацию наибольшей частоты этого признака в районе южнорусских степей, два «языка» на карте распространения этой гаплогруппы, по их мнению, хорошо маркируют миграции восточных индоевропейцев: один идет на запад через степи Причерноморья, другой — через Южный Урал и Среднюю Азию в Иранское нагорье и Северную Индию [Wells et al. 2001]. Также, по мнению этих авторов, совпадает с ареалом распространения западноиндоевропейских языков распространение гаплогруппы R1b, причем частота присутствия гаплогруппы возрастает к востоку, что указывает на степное происхождение ее предков.

2. Единство скотоводческой терминологии (например, др.-исл. *fé* «движимое имущество», гот. *faihu* «деньги», лат. *pecus* «скот», санскр. *paśu* «скот») и общее обозначение меди (нем. *ehern* «медный», гот. *aiz* «руда», лат. *aes* «медь, деньги, руда» и санскр. *ayas* «металл») как в западных, так и в восточных индоевропейских языках [Шрадер 2003: 38], по мнению сторонников степной прародины, хорошо определяют место и время разделения миграционных потоков западных и восточных индоевропейцев: место — южнорусские степи, время — меднокаменный век, то есть энеолит (IV тыс. до н.э.).

3. Длительное время западные и восточные индоевропейцы должны были проживать раздельно, так как реликты эргативного строя праиндоевропейского языка отражены в них различно. Вальтер Порциг заметил, что глаголы состояния в восточноиндоевропейских языках — это особые слова, иные, чем глаголы действия, а в западноиндоевропейских языках и хеттском медийные окончания, представляющие собой реликты постфиксов глаголов состояния, образуются с помощью постфикса, содержащего *-r* [Порциг 2003: 127–132, 138–140].

Возможно, восточные индоевропейцы начали свою миграцию из степных районов Южного Приуралья довольно поздно, в первой половине II тыс. до

н.э. На это указывают аналогии в погребальной обрядности южноуральской Синташты (XVII—XVI вв. до н.э.) и Микен — шахтные погребальные камеры, куполообразные каменные курганы Синташты, подобные микенским толосам, идентичной формы конские псалии у синташтинцев и микенцев [Клейн 2010: 68—72; Генинг и др. 1992: 111—374]. Если это предположение верно, следует думать, что восточноиндоевропейские языки (арийские и древнегреческий времени пилосских таблиц В) сформировались уже в регионах миграции в результате воздействия местных языковых субстратов.

Сторонники отождествления индоевропейцев с ранней культурой TRB опираются преимущественно на археологический материал, однако их аргументы выглядят достаточно весомо. Из археологических данных следует, что черты новосвободненской культуры степей Северного Кавказа, которые не могут быть результатом торговли или отдельных культурных заимствований, проникли около III тыс. лет до н.э. с Запада. Так, прорисовка на плите погребальной камеры из кургана 28 могильника Клады новосвободненской культуры в Прикубанье, датируемой первой половиной III тыс. до н.э., аналогична росписи из погребения Лейне-Гелих (Leine-Gälich) близ г. Хале в Германии. Правда, как отмечает А. Д. Резепкин, обнаруживший артефакт, Лейне-Гелих не относится к более ранней культуре воронковидных кубков (TRB), но «инвентарь гробницы датируется временем культур шнуровой керамики», второй половиной III тыс. до н.э. [Резепкин 1991: 191]. В этих почти идентичных композициях изображены колчан и лук [Резепкин 1991: 189—191, 193; Rezerpkin 1992: 61—64].

Еще более весомый аргумент в пользу концепции А. Д. Резепкина — идентичность более ранней керамики культуры воронковидных кубков (TRB) в Германии и Польше и более поздних материалов в южнорусских степях, а именно в северокавказской новосвободненской культуре [Резепкин, 2012: 101—116]. Также следует отметить, что более поздние европейские культуры — штриховой керамики на севере Центральной и Восточной Европы, носителей которой большинство специалистов относят к индоевропейцам, и центральноевропейские культуры с керамикой, идентичной ранней Трое, — вероятно, генетически связаны с более ранней культурой воронковидных кубков. Еще Густав Коссинна в 1902 г. отметил эту хронологическую и типологическую преемственность керамического материала, происходящего из областей Германии и Польши, сделав фундаментальный вывод о местоположении прародины индоевропейцев [Kossinna 1902].

Простая керамика ранней культуры воронковидных кубков не могла быть предметом торговли, а хронология неопровержимо говорит о первичности керамики TRB. На мой взгляд, эти аргументы выглядят весомее лингвистических и генографических данных в пользу степной прародины индоевропейцев.

В самом деле, общее обозначение скота в западно- и восточноиндоевропейских языках еще не доказывает первичность скотоводческого хозяйственно-культурного типа у предков индоевропейцев. В этой связи уместно вспомнить гипотезу Г. С. Лебедева, который полагал, что воронковидные сосуды, давшие название культуре воронковидных кубков (TRB), использовались преимущественно для дойки скота. Также генографические данные указывают на то, что генетическая мутация переносимости лактозы возникла именно в регионе распространения TRB в эпоху существования этой археологической культуры.

Никто не отменял традиционные лингвистические аргументы в пользу североευропейской прародины индоевропейцев: «аргумент бука», постулирующий из общего наименования этого дерева в индоевропейских языках нахождение прародины индоевропейцев в ареале распространения этого дерева в энеолите, а также «аргумент лосося», показывающий, что общее наименование в индоевропейских языках этой промысловой рыбы, встречавшейся в реках, впадающих в Балтийское море, свидетельствует о пребывании праиндоевропейцев на севере Германии и в Польше.

В свою очередь генографические данные доказательно обосновывают тезис о степной прародине восточных индоевропейцев, предков арийских народов и древних греков (гаплогруппа R1a), но отнюдь не говорят о степном происхождении праиндоевропейского народа, тем более что связь группы R1b с западными индоевропейцами дискуссионна (частота ее распространения очень высока у басков Пиренейского полуострова, вероятных автохтонов).

Конечно, следует быть осторожным с отождествлением археологической культуры и языковой общности. Но в то же время массовая керамическая продукция отличается определенным своеобразием, традиционностью, то есть формы сосудов изменяются медленно, такая посуда не представляет интереса для торговли. Таким образом, вывод о том, что керамика определенного вида присуща именно определенной этнической общности, в большинстве случаев оказывается верным. Еще более важен для реконструкции палеомиграций следующий постулат: если массовая керамика характерного вида в более раннее время встречается в регионе А, а в более позднее время — в регионе В, следует думать, что произошла миграция населения из региона А в регион В.

Что касается истоков культуры бронзы Северной Европы, то нужно отметить, что бронзовый век наступил в Скандинавии очень поздно, если сравнивать с Ближним Востоком, Северной Африкой (где он представлен цивилизациями Двуречья и Древнего Египта) и Восточным Средиземноморьем (цивилизация Крита). Большинство исследователей датируют наступление северного бронзового века началом II тыс. до н.э.

В I периоде в геометрической орнаментации оружия и украшений прослеживается очевидное центральноевропейское влияние. Очевидно, культурные импульсы были в этот период наиболее сильны со стороны *унетицкой культуры*.

Со II по III периоды доминируют восточносредиземноморские влияния. Они явственно проявляются в господстве орнамента бегущей спирали на скандинавской бронзе этого времени. Следует отметить, что речь не идет о массовом импорте восточносредиземноморских вещей в Скандинавию. Типы вещей остаются специфически скандинавскими, не похожими на критские или микенские, причем качество оружия, например, существенно выше в Скандинавии. Версия о самостоятельном развитии орнамента бегущей спирали в Скандинавии бронзового века представляется маловероятной в силу следующих фактов:

1) хронологического совпадения существования микенской цивилизации, то есть позднеэлладского периода бронзового века в Восточном Средиземноморье, и бытования орнамента бегущей спирали в Скандинавии на протяжении раннего бронзового века Северной Европы. С разрушением микенских

центров около 1200 г. н.э. угасает и спиральный орнамент в Скандинавии. Он вновь замещается центральноевропейскими геометрическими мотивами;

2) балтийский [Beck 1965], или североморский, с западного побережья Ютландии, янтарь впервые появляется в царских погребениях (круги «шахтных могил» А и В) Микен и Пилоса, его нет среди предшествующих и синхронных памятников на Крите.

Следовательно, представляется вероятным, что культурные импульсы, приведшие к заимствованию орнамента бегущей спирали, исходили от великолепных царских дворов микенских властителей. Тогда становится понятным, почему орнамент бегущей спирали стал индикатором престижа, почему им стали гравировать оружие и украшения представители, видимо, еще родовой, догосударственной знати Скандинавии раннего северного бронзового века.

Форма подвесок-разделителей на янтарных ожерельях, найденных в микенских гробницах, идентична изделиям из Южной Англии, Уэссекса. Это делает вероятными гипотезы о западных маршрутах: либо о пути через Францию по р. Роне (эту гипотезу одним из первых поддержал датский археолог Клаус Рандсборг в 1967 г.), либо о морском пути из Скандинавии через Уэссекс в Средиземное море вокруг Европы. Дополнительный аргумент в пользу связей по морю — процарапанное граффити с изображением, возможно, средиземноморского корабля с тараном на одном из мечей из Рербю (Дания; XVII—XVI вв. до н.э.), который многие считают предметом восточносредиземноморского импорта (такие кривые мечи считают преимущественно оружием семитов Восточного Средиземноморья). В таком случае не исключено, что на многих скандинавских петроглифах раннего бронзового века и бритвах скандинавского позднего бронзового века изображены корабли с таранами. Альтернативная гипотеза — на них изображены северные ледоходные суда с двойными штевнями, аналогичные кораблям, изображенным еще на мезолитических петроглифах, или кораблю из Хьортспринга раннего железного века.

Гибель микенской цивилизации, вероятно, стала одним из существенных факторов перехода от раннего бронзового века к позднему (первая половина I тыс. до н.э.). В этот период определяющими на несколько столетий становятся связи Скандинавии с Центральной Европой, что проявилось как в погребальной обрядности (смена ингумации кремацией), так и в типах вещей (например, в распространении мечей с антеннами, сходными с железными образцами *гальштатской культуры*) и в господстве геометрической орнаментации.

Таким образом, коллекция северных бронзовых вещей № 1571 МАЭ РАН отличается типологической полнотой, охватывает все хронологические периоды и предоставляет необходимый материал для решения сложных вопросов культурного своеобразия регионов и взаимодействия культур Европы бронзового века.

Источники

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). 23 ед. хр. Отчет о состоянии и приращениях Этнографического музея в течение 1862-го года // Отчеты акад. Шредера и консерватора Л. Радлова о поступлениях коллекций в Музей за 1842—1855, 1858, 1862, 1863 гг. и записка о размещении коллекций и по вопросу о расширении помещения Музея. Черновик.

Библиография

Ворсо И. И. А. Северные древности Королевского музея в Копенгагене, отобранные и объясненные профессором копенгагенского университета И. И. А. Ворсо (Worsaae). СПб., 1861.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2-х ч. Челябинск, 1992. Ч. 1.

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006.

Клейн Л. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010.

Палагута И. В. Искусство ранних земледельцев Европы: культурно-антропологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.

Палагута И. В. Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э.) / науч. ред. П. М. Кожин. СПб., 2012.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 2003.

Резепкин А. Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края). Л.: Наука, 1991. С. 167–197.

Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб., 2012.

Шрадер О. Индоевропейцы / пер. с нем. М., 2003.

Beck C. W. Infrared Spectra of Amber and the Chemical Identification of Baltic Amber // Archaeometry. 1965. Vol. VIII.

Broholm H. C. Danske Oldsager. III. Aeldre Bronzealder. København, 1952.

Broholm H. C. Danske Oldsager. IV. Yngre Bronzealder. København, 1953.

Gimbutas M. The Kurgan culture and the Indo-Europeanization of Europe. Washington, 1997.

Herner E. Spiral Decoration in Early Bronze Age Scandinavia: A technical and qualitative analysis and study of production // BAR. International Series. Oxford, 1989. Vol. 552.

Kossinna G. Die indogermanische Frage archäologisch beantwortet // Zeitschrift für Ethnologie. 1902. № 34. S. 161–222.

Rezepkin A. D. Paintings from a Tomb of the Majkop Culture // Indo-European Studies. 1992. 20 (1–2). P. 597–600.

Wells et al. The Eurasian Heartland: A continental perspective on Y-chromosome diversity // PNAS U.S.A. Vol. 98 (18). P. 10244–10249. Doi: 10.1073/PNAS. 171305098. 2001.